

Павел Брычков

Будни Гудермеса

Обычный обстрел

Нет, он все-таки правильно выбрал место для ПВД – пункта временной дислокации! Генерал, выбивавший Масхадова из Гудермеса, предложил ему, Лукину, на выбор три уцелевших крупных здания: больницу, детский сад и «Автосервис» – станцию технического обслуживания. Больница и детский сад, рассудил тогда Лукин, могут через неделю-другую понадобиться местным жителям. А лишние трения, они ни к чему! Осмотрев же больницу, еще больше убедился в малопригодности ее для комендатуры: совсем рядом, на горке, были дачи, сады – подкрадывайся и лупи из чего хочешь! «Автосервис» же был у дороги с другой стороны – все подальше... А раз заведение с техникой связано было, значит, что-то могло остаться пригодное для их «кулацкого» хозяйства.

Так оно и вышло. В основном, конечно, все растащили, но кое-что осталось. Особой удачей оказалась огромная холодильная камера, наподобие железнодорожного контейнера, которую нашли в разбитом цехе, торцом примыкавшем к задней стене мастерских, где разместились омские омовцы. Из холодильной камеры вышла знатная баня! Печь из железной бочки сварили – вот и сауна! А рядом с забором «Автосервиса» радоновый источник. Курорт, одним словом! Надо будет, кстати, сегодня помыться...

Полковник Лукин отложил журнал, в котором он смотрел списки бойцов, уходящих завтра на зачистку и на КП, и услышал, как снаружи раздался треск автоматных очередей. Пули зашлепали по мешкам с песком в ближнем оконном проеме, сухим горохом сыпанули по стене, перемещаясь к другому окну, и снова ушли в шлепки. Следом будто кувалдой снаружи ударили, – ВОГ прилетел.

– К бою! – скомандовал Лукин и прильнул к бойнице в мешках с песком. В густой вечерней мгле взгляд разом выхватил, что стреляли из подвалов частных полуразрушенных домов правее больницы и из самой больницы, откуда три недели назад была расстреляна российская колонна. Судя по вспышкам, не больше пяти человек. От КПП первым ровно и уверенно ответил РПК, а следом и весь их «Автосервис» ошетинился огнем. Сейчас обслужим по первому классу! Посыпались на бетонный пол автоматные гильзы, бесшумно, будто на войлок: уши заложило от грохота очередей.

Как всегда в такие минуты, в Лукине проснулось подобие охотничьего азарта, в прищуренных глазах сверкнул задор. Но при этом он остался внутренне собранным и с холодной головой. Выпуская очередь за очередью по вспышкам из подвала, он держал в уме всю обстановку на ПВД. И едва услышал за спиной, как заработал «мужик» – ПК, – тут же связался по рации с дотом, что они соорудили рядом с углом цеха.

– Пятнадцатый, я двухсотый! Что у вас?

– Из-за оврага с крыши частного дома бьют, похоже, два АКСа!

– Врежьте из подствольника как следует! Что новое будет, докладывайте!

Минут через десять он приказал прекратить огонь: наверняка «духи» уже смылись. А еще через пятнадцать минут скомандовал «Отбой!». И хотя это был обычный обстрел, когда узнал от командиров рот, что никого не зацепило,

облегченно вздохнул. Но желание сходить в баню пропало. Надо будет завтра заняться этой чертовой больницей.

Ночью его разбудила рация.

Дежурившие в доте сообщали, что на территории ПВД слышно, как кто-то ходит возле цеха, но разглядеть никого нельзя, и спрашивали, открывать огонь или нет. Он сказал, что проверит сам и, надев бушлат, вышел из мастерских, превращенных в казарму, прямо в цех. Пройдя несколько шагов с автоматом наизготовку, остановился. Вглядываясь в темноту, прислушался.

По цеху гулял ветер. До войны стены цеха до самой крыши были стеклянными. Сейчас остался только металлический остов – ни одного целого стекла. Справа было слышно, как что-то трется и постукивает об основание стены. Где-то под потолком болтались и поскрипывали под порывами ветра куски жести.

Он догадался, что эти звуки и приняли в доте за шаги. Но на всякий случай выглянул осторожно за стену – никого. Предупредив по рации, пошел к доту.

– Что, бойцы, страшно?

– Да, страшновато! – ответил кто-то вполголоса из темноты.

– Ничего... Только дураки не боятся. Это ветер поднялся, всякие железяки шевелит, а кажется, кто-то ходит. С этой стороны они не пролезут, у забора мины наши и растяжки стоят. Так что больше наружу смотрите! А вообще, молодцы, что бдительность проявили. Береженого Бог бережет!

«Ядерный» взрыв

– Становись!

Из пестро-серого разнобоя столпившихся во дворе комендатуры омовцев быстро образовался строй широкой буквой «п», посреди которой – командир отряда Лукин. Бойцы уже в строю по инерции заканчивают разговоры, перешучиваются. Лукин бросает недовольно:

– Внимание всем! Не на охоту!

Разговоры моментально смолкают. Всем хорошо знакомо это преображение командира: из добродушного, широко улыбающегося мужика в человека с колючим, цепким взглядом прищуренных глаз, с тонкой линией плотно сжатых губ.

– Сегодня мы идем на зачистку Гудермеса, из которого якобы ушли боевики. Идем под прикрытием бойцов Внутренних войск. Цель зачистки – выявление боевиков, изъятие оружия, наркотиков и прочее, а также разминирование. Всех лиц без документов задерживать и доставлять в комендатуру. Во время зачистки проявлять максимальную собранность и осторожность. Хотя и идем под прикрытием Внутренних войск, но и сами прикрывайте друг друга. Да у вас и опыта больше, чем у них. Если хозяева дома, пусть они сами открывают двери комнат, которые вы хотите проверить, сараев или подвалов. Если дом без хозяев, все двери открывать только веревкой. У всех командиров отделений и взводов есть веревки?

– У меня нет! – раздалось из строя.

– Максимов, почему у Егорова нет?

- Я ротным отдал!
- Длинные они, не порезали еще.
- Так порезать! Всё! К обеду возвращаетесь сюда в комендатуру!

Лукин вернулся на «командный пункт» – угол, отделенный от вестибюля большим столом, – подошел к карте города, висевшей на стене. Поверху карты было крупно написано «План города Гудермеса». Он стал высматривать среди оранжевых квадратов улицы, которые предстояло прочесать его ребятам.

Позвонили с КПП.

- Двухсотый, тут местные пришли!

Возле КПП напротив фанерного щита с надписью большими неровными буквами: «Стоять! Граница поста. СТРЕЛЯЮ!» он увидел белые «жигули», возле которых стояли три седобородых старика в каракулевых шапках-папах.

Лукин поздоровался с каждым за руку. В кабине за рулем сидел круглощекий парень лет тридцати, увидев Лукина, он тоже вышел из машины.

– Начальник, твои люди стреляли по нашим домам, где только женщины и дети, – сказал старик по имени Ахмед.

- По каким домам стреляли, отец? – спросил Лукин.

Старик показал клюшкой-тростью в сторону домов за дотом.

– Из этих домов в нас стреляли! Любая стрельба будет подавляться ответным огнем! – сухо и твердо сказал Лукин.

Старики заговорили меж собой о чем-то по-чеченски, а парень, привезший их, сказал:

– Командир, я живу рядом с домом, по которому вы стреляли. У меня четверо маленьких ребятшек. Вчера перепугались страшно... Они ведь не виноваты... Когда боевики пришли, выгоняли нас из домов, говорили, что бои будут, я им говорю: воюйте вон там, за городом, а они мне: Султан, ты под юбкой жены прячешься, а мы воины Аллаха, лучше, говорят, молчи!..

– Начальник, – обратился опять к Лукину Ахмед, – мы, старики, тебя просим, из какого дома будут стрелять, скажи нам, а сам не стреляй, пожалуйста, мы сами разберемся... Если дома не будет, жить негде будет...

– Хорошо, давайте попробуем! Разберитесь с домами, откуда вчера стреляли. Вам война не нужна и нам война не нужна. Договорились!

– Ну, Федорыч, твоим саперам работа есть! Смотри, только до обеда какой улов! – показал комендант Гудермеса Макаренко на кучу боеприпасов рядом с КПП и, глядя в блокнот, сказал: – Так, что тут у нас? Выстрелов «Града» двенадцать, противотанковые мины пятьдесят седьмые три штуки, выстрелов к танкам три, к бээмпэ – два, заряды к РПГ десять...

- А вон и саперы наши! – сказал Лукин.

Из-за дороги от больницы подошел главный сапер отряда майор Максимов с двумя бойцами. У каждого полутораметровый кусок трубы.

- Макс, это направляющие?

– Точно! Уже закреплены были и нацелены на нас. Вставляй НУРС, тащи провода хоть за сто метров и запускай. Устроили бы нам фейерверк ночью!

– Да, придется эту больницу каждый день проверять! А сейчас найди место, где этот арсенал взорвать лучше.

– Ого! Из этого всего ядерный взрыв получится! А место, где его искать, вон за кирпичным заводом дом недостроенный из силикатного кирпича, там все и сложить. Только дорогу на всякий случай перекрыть надо... Николай Федорыч, а может, на камеру снять?

– Давай! – Агарков, найди НЛЮ, – сказал Лукин стоявшему рядом высокому омовцу и засмеялся. – Тьфу, черт, с вашими прозвищами! Володя Виноградов пусть с камерой сюда идет.

– Пока готовитесь, мы сходим пятку боевика снимем, – сказал Максиму Лукин, когда пришел Виноградов с камерой.

Останки боевика они нашли на развалинах кирпичного завода. Огневая точка была разрушена танковым выстрелом. Все, что осталось от боевика – нижняя часть литого резинового сапога, превратившаяся в калошу, из которой виднелась человеческая ступня.

– Так, снимаю!.. Толя, ну-ка, свою ногу рядом поставь, размер проверим... Ага, маловат был...

– Биноколь тоже сними, – показал Лукин на почерневший полуоплавленный бинокль и валявшийся рядом приклад автомата.

– Это все, что остается от педерастов, – философски подытожил кто-то из бойцов.

Когда подошли к дому, куда перенесли боеприпасы, Лукин заглянул в оконный проем. В углу кучей, будто для костра, лежали выстрелы к «Граду», НУРСы, заряды к РПГ, снаряды, а сверху зеленый блин противотанковой мины, на которую сверху Максимов закреплял тротилловую шашку, похожую на кусок хозяйственного мыла. Боец принес танковый снаряд и в полунаклоне кинул его в кучу.

– Эй, осторожней, не дрова, – недовольно сказал Лукин и спросил Максимова: – Не раскидает?

– Ни х... не раскидает! Я специально мину сверху положил.

– Так, прошу в камеру не материться! Снимаю!

– Ничего, – засмеялся Лукин, – без мата войны не бывает!

– У меня все готово, – сказал Максимов, вставляя конец бикфордова шнура в тротилловую шашку. – Поджигать?

– Подожди, давай мы с комендантом на память снимемся, – сказал Лукин.

Они через оконный проем спрыгнули внутрь и встали на фоне сложенных в углу боеприпасов.

– Макс, не закрывай! Встань рядом с нами. Володя, снимаешь?

Они вытянулись и замерли, будто их снимали из фотоаппарата.

– Идет разминирование города Гудермеса! – объявил в камеру Лукин.

Затем Максимов достал сигарету, прикурил, той же спичкой запалил конец бикфордова шнура и скомандовал:

– Уходим!

Они отбежали за дорогу, метров триста от дома. Через полминуты раздался взрыв. У земли вспыхнул опрокинутый усеченный огненный конус, и над ним взметнулся в небо черный тридцатиметровый хвост дыма. Обломки кирпича долетели почти до дороги.

На месте дома осталась лишь большая воронка, возле которой нашли кусок искореженной трубы-направляющей.

Засада

Рассказ жителя Гудермеса Александра омским омовцам 28 декабря 1995 г.

– Где-то в полшестого утра нас разбудили боевики и сказали, чтоб мы немедленно освободили дома, где мы живем, и ушли куда-нибудь за пути, так как здесь будут бои. Они, значит, заняли вот эту больницу приблизительно в количестве сорока человек. Сорок-то их было точно... А до этого они приходили в город по два-три и спрашивали, где больница... А из самой больницы тяжелобольных родственники увезли. А две женщины были из Белоречья, что с ними, не знаю...

Где-то до 11 часов все было спокойно, ни выстрелов не было слышно, ничего... А после в 11 часов или пол-одиннадцатого, точное время не могу сказать, появилась колонна – четыре бээмпэшки и два грузовика «ГАЗ» «шестьдесят шестые» с солдатами, и на броне солдаты были. Колонна шла плотно, между ними не было никакого расстояния. Когда они поравнялись с воротами больницы, по ним был открыт шквальный огонь, а перед больницей находились два жилых дома, из подвалов этих домов тоже стали расстреливать все, что движется.

Бой этот, если его можно назвать боем, длился не больше пяти минут, потому что солдаты не успели сделать почти что ни одного выстрела. Как началась стрельба, столкнулись две бээмпэшки и «шестьдесят шестой», водитель которого, видимо, был убит. И только грузовик, который шел сзади, успел проскочить вперед, и лишь когда ему расстреляли колеса, он остановился.

Значит, те, которые находились в столкнувшихся бээмпэшках, уже практически все были мертвыми, и только из бээмпэшки, которая шла последней, когда она загорелась, выскочили два человека, офицер, майор и рядовой, и они побежали в сторону завода ГРП. Но там тоже сидели боевики, они начали стрелять, и майор с солдатом залегли, их окружили и заставили сдаться, и они не сделали ни одного выстрела. К ним подошли боевики без оружия и забрали автоматы. Майор, видимо, был ранен, так как держался за плечо, его куда-то сразу увезли...

А в «шестьдесят шестом», который проскочил, остались живыми еще солдаты, которые выскочили и упали на землю. Их окружили и согнали всех на обочину. Возле сгоревших БМП находились еще трое раненых солдат. Я не знаю, солдат или нет: когда они нас заставили убрать трупы, самый крайний лежал прапорщик, по-моему... Мы их сносили вот сюда как раз, где эта техника лежит, с дороги. Так как по дороге ездили машины, чтоб их не раздавили.

Когда горели все эти машины, трое раненых лежали с той стороны, а один с этой, мне его хорошо было видно. Он лежал, на нем горела одежда, он поднял руки и кричал: «Не стреляйте в меня, не стреляйте!». Это было слышно не только здесь, но аж за путями, вон там. Трое боевиков, которые стреляли за машиной, добивали там людей, перешли сюда и добили этого прапорщика. В голову стреляли, он в бронежилете был.

Пятерых солдат, оставшихся в живых, заставили полностью раздеться, хотя мороз был градусов восемь-десять. Потом заставили с мертвых снимать бронежилеты, оружие и заносить на территорию больницы.

Все это происходило 14 числа. 15-го, 16-го ничего не было, а 18-го они пришли в поселок, где мы жили, и стали говорить, чтоб мы убрали трупы, потому что собаки стали растаскивать...

В то время, когда мы убирали трупы, вышел один молодой солдат, рыженький такой, мальчик, можно сказать. Он подошел к этому «шестьдесят шестому» и стал там чего-то крутиться. Я говорю, ты кто такой? Он говорит, я солдат, который был в этой колонне. Спрашиваю, много вас осталось? Он

говорит, пять человек нас, солдат, и две раненые женщины. А женщины где находятся? Он говорит, мы не знаем, их сразу убрали. А офицер? А офицера, говорит, сразу увезли. На нем было надето одеяло, в котором просто был вырез для головы, внизу перевязано проволокой. Он был без головного убора, в каких-то кедах, перевязанных веревочкой...

Я говорю, че ты тут делаешь? Заставляют, говорит, восстанавливать машину, откручиваю бензотрубки, чтоб отремонтировать тот «шестьдесят шестой», на котором были живые солдаты.

Затем начался обстрел. Мы зашли в картофелехранилище, где было темно и много боевиков. Мы там пробыли минут двадцать. Я по-чеченски понимаю, стал разговаривать со старшим из боевиков, потому что он приходил договариваться, чтоб мы трупы убрали. Я говорю, с солдатами что будете делать, расстреливать или что? У вас есть раненые, зачем вам обуза, отдайте, мол, жителям, заберут их... Он говорит, я такие вопросы не решаю, видимо, мы их обменяем. Ну если решите оставить, то, говорю, я нахожусь там-то.

Еще в первый день мы удивились, что среди них не все были чеченцы. Потому что, когда они разбудили нас утром и велели идти за железную дорогу, то мы вернулись, потому что думали, что будет, как в первый раз, когда они говорили: уходите, а потом начинали лазить по дворам, выносить ковры и все такое, в общем, мародерничать. Мы, все мужчины, вернулись. Когда стали подходить к амбразурам в ограде у больницы, там какой-то боевик рыл яму. И один из нас, Султан, обратился к нему по-чеченски, а он ответил ему по-русски. Славянской внешности много было. Султан говорит, что видел негров. Я негров не видел, но сирийцы были. Когда мы были в овощехранилище, они разговаривали через переводчика. Да и по одежде видно, что это не чеченские боевики.

Утром-то мы им говорили: что вы нас гоните, воюйте вон там, за городом. Но они говорят: у нас приказ быть здесь до семнадцатого. А ушли они из города 20-го, 21-го. Уходили по пять-шесть человек и почему-то все уходили без оружия. Получается, что оно все здесь где-то хранится. Видел, как из рюкзака, что ли, патроны рассыпали у переезда, так собирать даже не стали. Пацаны потом бегали собирали. Гранат от подствольников тоже много валялось.

В общем, рассеялись они незаметно, тут же тысячи ходов. Вот, что знал, рассказал. Счастливо вам!

Землячка

На въезде в Гудермес КП омских омонцев. По трассе со стороны Хасавюрта показался «КамАЗ» с длинным фургоном-кузовом. Рядом с водителем женщина-чеченка. Омонцы останавливают машину. Один проверяет документы водителя, другой металлоискателем проводит под мышками и по спине.

– Не лапай! – сердито сказала женщина, когда омонцев направился к ней, чтобы обыскать, и сама расстегнула дубленку, распахнув ее для сканирования, и подала паспорт.

– Так, Мадина Усманова... Куда едем? – спросил Сергей Сапунов, изучая паспорт.

– К сестре в Гудермес.

– Паспорт прописан... О, Сэм, гляди-ка, землячка! В Омской области прописана, в городе Таре.

– А вы откуда? – уже дружелюбнее посмотрела она на омовцев.

– Из Омска... Что в машине? Водитель, откройте сзади двери.

С автоматами наизготовку омовцы двинулись к заднему борту. Стоявший на обочине бэтэр шевельнул башней, как бы предупреждая, что машина на мушке. Водитель открыл двери фургона. Кузов был забит ящиками с водкой. На вопрос, чей груз и есть ли документы, чеченка, отводя глаза, забормотала, что не успели оформить, но потом с вызовом спросила:

– Какие документы? У нас что, торговать запрещено? Я купила в России... Бизнес делаю.

Сапунов залез в кузов, взял из ящика одну бутылку, раскрутил содержимое и ухмыльнулся:

– Хм, «Русская»! Она такая же «Русская», как я чеченец. Паленая – однозначно! Так, разрешения нет, товар некачественный... В общем, груз конфискуется. Водитель, давай в кузов, выгружай!

– Вы не имеете права! Я на свои деньги купила! Хотите себе забрать! – завизжала женщина.

– Контрабанда будет уничтожена при вас.

– Земляки, зачем портить такой товар? – как можно ласковее сказала она.

– Давайте договоримся. Давайте я штраф заплачу... Лимон или два лимона...

– Взятки не берем! Давайте ставьте бутылки на асфальт... А тару можешь везти в Тару, – скаламбурил Сергей.

Чеченка уткнулась в платочек и, выдавливая слезы, запричитала:

– Последние деньги истратила! У сестры пять детей, кушать нечего, заработать хотела...

Омовцы, не обращая внимания на ее причитания, продолжали вместе с водителем выставлять бутылки на асфальт, и скоро образовался стеклянный прямоугольник из стоящих бутылок по площади больше бэтэра. При этом они не забывали останавливать проезжавшие мимо машины для проверки, и водители с любопытством глазели на это зрелище. К одному из них, водителю «жигулей», Мадина подошла и что-то сказала по-чеченски. Тот кивнул и уехал.

– Володя, включай видеокамеру! Этот наш героический поступок надо увековечить! – улыбаясь, сказал Сапунов Виноградову. – Итак, госпожа Усманова, это ваши бутылки?

Женщина отвернулась и ничего не ответила.

– Так, молчание – знак согласия. Вот я передергиваю затвор и открываю огонь.

От автоматной очереди в центре прямоугольника вскипело влажно-хрустальное крошево.

– Рома, добей зеленого змия так, чтобы ни одного целого горлышка не осталось, – сказал Сапунов выглядывавшему из люка водителю бэтэра.

Бэтэр наехал на стеклянный прямоугольник и принялся утюжить его назад и вперед. И скоро на асфальте остался лежать лишь слой стекла, источавший резкий спиртовой запах.

– Четвертую часть изничтожили, поехали дальше. Больше трех тысяч, пожалуй, тут!

Они еще половины бутылок не выгрузили, когда появился уазик с четырьмя чеченскими милиционерами. Старший из чеченцев перекинулся с

Мадиной несколькими фразами и сказал Сапунову, что они забирают водку. Тот категорически отказался отдать ее.

– Водка левая, без документов, в город ее завозить нельзя. Ваши же могут отравиться...

– Мы ее знаем, она не первый раз привозит.

– У нас приказ коменданта без документов спиртное уничтожать на месте.

– Подождите, пока не разбивайте, мы с комендантом поговорим, он разрешит.

Милиционеры вместе с чеченкой уехали в город.

– Мужики, давай скорей кончать с этим пойлом, а то еще чего доброго уговорят коменданта, – сказал Сапунов, вываливая из ящика бутылки с водкой.

Лукин просматривал списки заступивших в ночной наряд на КП и в дот, и тех, кто завтра пойдет двумя группами на зачистку, как к нему вбежал комендант Гудермеса полковник Макаренко.

– Федорыч, твои обопьются! Машину водки умыкнули!

– Не обопьются! – засмеялся Лукин. – Знаю я про водку. Не брали они!

– Ты уверен? А то баба эта, чеченка, клянется-божится, и милиционеры местные тоже говорят, что забрали.

– Да не брали, я тебе говорю, они ее бэтээрм подавили прямо на дороге! И на пленку засняли, сейчас покажу.

Лукин приказал позвать Виноградова.

Макаренко прильнул к окуляру видеокамеры и через несколько минут облегченно вздохнул:

– Хорошее кино! А я ведь почти поверил, думаю надо тебя предупредить, как бы чего не вышло... Вот стерва!

Солдатские сороковины

– Основательно устроились, Сан Саныч, – уважительно сказал Максимов командиру томской бригады Внутренних войск, по приглашению которого они приехали к землякам-сибирякам в гости.

– Да, хрен нас с этой высоты скovyрнешь! Как встали 24 декабря девяносто четвертого, так и стоим, – тронув аккуратные черные усики согнутым указательным пальцем, сказал комбриг. – Ров вокруг сделали, мины поставили... Поначалу совались к нам, сейчас поспокойнее... Ладно, пойду проверю, все ли к открытию памятника готово, а вам наше хозяйство покажет командир батальона подполковник Петров.

С высоты 428,1 Гудермес был весь как на ладони. А сама высотка была заставлена техникой. В стороне от жилых палаток стояли два наливника, рядом с КПП две бээмпэшки, с противоположной стороны еще несколько бээмпэшек и бэтээрм.

– А это наш узел связи, – показал комбат на машину-будку рядом с ажурной металлической мачтой. Тут же неподалеку такая же будка на колесах только с красным крестом. Над крышей ее дымит железная труба.

Они двинулись к центру высоты вдоль улицы из брезентовых армейских палаток, с трудом вытаскивая ботинки из густой липкой грязи. Палатки были притоплены в землю и огорожены земляными валами так, что снаружи торчали

лишь шатровые островерхие крыши. На брезенте «предбанников» лежит тонкий слой подтаявшего снега. Снег пятнами лежал и на земле. И от сильного промозглого ветра, и от мокрого снега, и от этой липкой жидкой грязи веяло таким неуютом, что невольно рождалось сочувствие к солдатам, живущим здесь уже целый год. Хотя понятно, что не весь год такая погода...

– Здесь у нас боевое охранение, – остановился комбат возле окопа, расположенного чуть ниже по склону. Из окопа снизу вверх смотрели на них два солдата. На бруствере окопа, прикрытом брезентом, лежит СВД. – Представьтесь нашим гостям, омским омовцам.

– Снайпер рядовой Петров!

– Помощник снайпера рядовой Щербаков.

– Комбат Петров и рядовой Петров, – сказал Максимов.

– Да, однофамилец... Ну что, бойцы, враг не пройдет!

– Так точно! – чуть смущаясь, ответили солдаты.

– А кто памятник-то придумал поставить? – спросил Максимов.

– Да сами солдаты... А мы решили поддержать, торжественно все это сделать. Пойдемте, уже строиться начали...

Скоро бригада в полном составе стояла в строю перед памятником, закрытым белым покрывалом. Вид у всех был далеко не парадный: грязные сапоги, мятые замызганные брюки и бушлаты. В облике солдат проглядывала тоска и усталость.

– Брига-ада, смирно! Равнение на середину! – скомандовал офицер, стоящий перед строем, и, подойдя строевым шагом к комбригу, доложил:

– Товарищ полковник, личный состав бригады для открытия памятника воинам, павшим в Республике Чечня, построен! Начальник штаба майор Гаспаренко.

– Здравствуйте, товарищи!

– Здравия желаем, товарищ полковник! – эхом отозвалась бригада

– Вольно! Выступающие ко мне! – скомандовал комбриг и сказал: – Сегодня мы собрались, чтобы открыть здесь, в нашем ПВД на высоте 428,1 памятник, который своими руками сделали товарищи погибших. И мы приурочили это событие по православному обычаю к сороковому дню после их гибели. Всегда больно вспоминать трагические события. Но память о них навсегда останется в сердцах здесь стоящих...

Комбриг кончил говорить, повернул голову к начальнику штаба, и тот сказал:

– Слово предоставляется командиру отделения 3-й роты сержанту Лямину.

К офицерам подошел высокий крепкий парень в черной шапочке и, волнуясь, стал говорить:

– Сегодня сорок дней как нет наших товарищей: сержанта Алексеенко, Щукина и Брюханова... Но мы всегда будем их помнить... Мы силами бойцов 3-й роты 1-го батальона сделали этот скромный памятник и написали на нем фамилии погибших... Мы хотим, чтоб этот список не пополнялся, потому что нас всех ждут дома наши близкие.

Затем выступил рыжебородый прапорщик Шестаков, и слово предоставили от омского ОМОНа Максиму.

– Ребята, я все понимаю. Мы тоже троих потеряли друзей, еще под Назранью, парни на захват ходили, до этой катастрофы. Ребята, за каждую жизнь надо забирать две жизни. Не надо быть жестоким, нет. Надо просто

помнить эти дела и говорить себе: да, я выжил, я должен жить и за себя, и за того парня... И второе. Я говорю: берегите себя! Один никогда не должен оставаться, всегда двое должно быть. Потому что плечо, оно есть плечо. Я майор, но за мной ребята ходят, которые сержанты, старшины... И, несмотря ни на какие трудности, ты знаешь, что должен вытащить товарища. У нас третья командировка и без потерь. Тьфу, тьфу, тьфу, конечно! Бог миловал. Почему? Потому что мы всегда задницу прикрывали друг другу. Помните об этом!

Закончились выступления, и из репродуктора от узла связи раздались звуки гимна. Сняли белое покрывало, и перед стоящими открылся памятник.

Обелиск был из бетонной опоры, к которой крепят деревянный столб. На вершине с тыльной стороны на металлическом штыре звезда. У подножия бетонный квадрат, найденный в городе. На квадрате бронзовой краской написаны фамилии погибших. Вокруг памятника оградка из кирпичей, уложенных один к одному углом вверх.

Торжественно подходят три пары солдат с сосновыми венками, кладут их и замирают в почетном карауле.

На металлическом флагштоке рядом с обелиском развевается приспущенный российский флаг с перевязью траурной ленты.

Музыка смолкла, и комбриг сказал:

– Почтим минутой молчания наших товарищей сержанта Алексеенко Сергея Григорьевича, рядового Щукина Андрея Сергеевича, рядового Брюханова Юрия Александровича.

Все опустили на правое колено и склонили обнаженные головы.

Затем на ПВД раздались звуки бравурного марша, и комбриг скомандовал:

– Бригада, к торжественному маршу! Первая рота – прямо! Остальные направо!

Строй повернулся и затопал, медленно продвигаясь и поворачивая к прямой, по которой им предстояло торжественно пройти мимо памятника. А 1-я рота уже приблизилась к нему.

– Сми-ирна! – скомандовал ротный.

И вдруг случилось преображение. Шагавшие нестройно солдаты разом встрепенулись, сомкнули ряды и стали выше. Сапоги печатали шаг так, будто под ногами не сырая земля, а брусчатка. Неведомо куда исчезла усталость, и вместе с ней, казалось, осыпалась с одежды вся грязь. Дерзкой решимостью и твердостью загорелись глаза солдат, солдат Русской Армии, униженной и оплеванной, но живой!

«И-и – раз!» – и новое каре проходит единым телом мимо обелиска. Следом еще и еще... Идет Русская Армия. И с волнением отдают ей честь комбриг Сан Саныч и семеро омских омовцев.

Улыбка фортуны

Милицейская рация, висевшая на спинке кровати, зашипела, и Лукин услышал взволнованный голос:

– Двухсотый, двухсотый, ответьте сотому, ответьте сотому!..

На связь вышел командир отряда транспортной милиции из Волгограда, недавно расположившегося в пассажирских вагонах эшелона возле полуразрушенного здания железнодорожного вокзала Гудермеса. До их

прибытия на весь город был только отряд омского ОМОНа из ста человек. Лукин глянул на светящийся циферблат командирских часов: третий час ночи.

- Двухсотый на связи!
- Двухсотый, помощь нужна! «Духи» напали!..
- Сколько их?
- Черт разберет! Поливают густо!..
- Держитесь до утра! Сейчас ехать – на засаду напорешься!
- Да раненые у нас, двухсотый, а врача нет. Недотянут до утра!

Помогайте!

Лукин мысленно чертыхнулся: как можно посылать людей без врача! И спросил:

- Сколько раненых?
- Двое.
- Ладно, минут через двадцать будем.

Он подошел к топчану, на котором спал его заместитель подполковник Ураков:

– Викторыч, командуй подъем! Нападение на транспортников. Раненых надо вывезти, возьмем добровольцев и на БТРе...

В помещении, где спали бойцы, включили электрический свет. Слава богу, движок-генератор работал исправно, давая возможность даже смотреть телевизор. Дежурный скомандовал: «Подъем!», и деревянный настил, приподнятый на бревнышках над бетонным полом, ожил. Одни бойцы сразу выскакивали из спальных мешков, другие сидя крутили несколько мгновений головами и только потом покидали теплые гнезда.

– Федорыч, водителя разбудили, БТР сейчас будет готов, – доложил Ураков, подойдя к Лукину, надевавшему бронежилет.

Полковник Лукин вышел к построившимся бойцам и сообщил о нападении на коллег-транспортников.

– Наша задача – вывезти раненых. Кроме меня, Виктора Викторовича и военврача Карповича, поедут только добровольцы. Добровольцы, два шага вперед!

Ему уже не раз приходилось отдавать такую команду, и всегда добровольцами желали быть все. Вот и сейчас строй дружно шагнул вперед, и у Лукина шевельнулась гордость за своих ребят. Он отобрал человек пятнадцать и вышел на улицу. Показалось, что окунулся в невесомую вату. Стоял промозглый густой туман. Такой густой, что их КПП в тридцати метрах не было видно. Все как-то было непривычно: январь на дворе, а кругом слякоть и грязь. А в Омске у них, передают, морозы за тридцать... В доме еще елку новогоднюю не убрали... А ему пришлось и новый, 96-й год, и свое сорокапятилетие отмечать здесь... Ну и туманище, однако! Кому он в помощь, им или «духам»? Тут уж, как говорится, кому фортуна улыбнется. Хотя «духам» туман больше по душе – авиация не летает.

Справа из бокса доносился рокот БТРа. Присмотревшись, он увидел, что металлические ворота открыты и изнутри осторожно показался нос машины, а затем БТР уркнул, выкатился из укрытия и, круто повернув налево, как вкопанный, остановился возле Лукина. «Молодец, Рома!» – похвалил он мысленно молодого солдата-водителя, прикрепленного к ним из бригады Внутренних войск со своей техникой.

Когда Рома первый раз появился на кухне, где обедали бойцы, в засаленной гимнастерке, с впалыми щеками, кто-то ехидно воскликнул:

«Ничего нам волкодава прислали!» Чем окончательно вогнал солдатика в смущение. Тогда Лукин осадил шутников: «Ладно, не трогайте парня! Может, еще как за мамой родной будете за его БТРом прятаться!». Но едва Рома потянулся за хлебом, как сидевшие рядом изумленно воскликнули: «Ё-мое, вот это руки! Ну-ка, марш мыть! А вечером в баню!». За две недели парня откормили, отмыли так, что на щеках пробился румянец, и оказался он не таким уж доходягой, каким увиделся сначала, а ловким крепышом, любящим технику. А ведь мальчишка – восемнадцать лет! Позавчера приехали к нему два товарища-одногодка, привезли какие-то запчасти и остались ночевать. Кровать Лукина была у стены, за которой стоял БТР, и поздно вечером он услышал там разговор, вызвавший у него улыбку: «Ром, ты хоть бы нас накормил как следует». – «Ладно, накормлю, – великодушно сказал Рома, – у меня и тушенки, и сгущенки сколько угодно!.. Только руки идите помойте!» – прикрикнул он сердито.

Лукин подошел к приоткрытому люку водителя.

– Куда поедет, товарищ полковник? – высунув голову, спросил Рома.

– К вокзалу.

– Мимо старой комендатуры? Ясно!

– Давай не торопись! Видишь, какой туман. Свет не включать!

Выбегавшие по одному омовцы собрались у БТРа.

– Десять человек на броню, остальные – внутрь! Виктор Викторыч, давай за пулемет, – сказал Лукин Уракову. – Где Карпович? Будь рядом со мной!

У военврача лейтенанта Евгения Карповича это была первая командировка в Чечню, и впервые у него появилась работа по специальности.

Они миновали КПП, защищенный мешками с песком, БТР повернул направо, выехал на трассу Грозный – Хасавюрт и двинулся в сторону Хасавюрта. Слева на обочине размытыми черными пятнами проплыли мимо сгоревшие БМП и грузовик. Месяц назад, когда Масхадов захватил на две недели Гудермес, здесь, совсем рядом со станцией технического обслуживания «Автосервис», наша колонна попала в засаду, зажата на трассе огнем справа из больницы и слева от кирпичного завода. Местные рассказывают, что из всей колонны федералов в живых осталось только пятеро солдат...

О захвате Масхадовым Гудермеса полковник Лукин узнал в Омске из теленовостей и с возмущением и досадой подумал тогда: как такое вообще можно было допустить! По трем командировкам знал, что бардака на этой войне хватало, но не до такой же степени, чтобы не заметить скопление боевиков, способных захватить город!.. А через несколько дней пришел приказ сформировать отряд в сто человек и ехать в Чечню. Из Моздока их «вертушками» перебросили в Грозный и сказали, что они будут охранять главный штаб. Только порадовались, ночь переночевали, а им говорят: давайте быстренько в Гудермес... И сразу начали, как шутили, устанавливать советскую власть. В первый день зачищали «Западный Берлин» – микрорайон, выросший при Дудаеве, где жили в основном «новые чеченцы». Зачистка, можно сказать, была мягкой: лишь один боевик решил в войнушку поиграть – отыгрался!

...Лоскутки на скатке маскировочной сети, на которой сидел Лукин, затрепетали, как листья деревьев на ветру, и он подумал: что-то Рома разогнался. Рассмотрев справа дерево с отрубленной снарядом верхушкой, а за ним дом с разрушенной крышей, застучал прикладом автомата по броне и включил рацию.

– Одиннадцатый, итит твою мать, куда летишь? Поворот-то проскочил!

БТР притормозил.

– Понял, двухсотый! – отозвался водитель. – Че, разворачиваться?

– Ладно, давай дальше. По другой улице доберемся. Метров через триста будет поворот налево, слушай меня!

– Двухсотый, пулеметчик ругается: кто-то на триплекс сел!

– Кто триплекс закрыл?

– А, это, наверное, я рукой, – сказал Сергей Сапунов, отодвигаясь с места, где сидел.

Улица, по которой они подъехали, почти привела их к небольшой привокзальной площади, за которой белела стена полуразрушенного вокзала.

Никакой стрельбы. Тихо.

Лукин связался по рации с «транспортниками».

– Сотый, сейчас БТР подкатим, готовьте раненых!

Искомандовал:

– Десять человек – группа прикрытия, занять позицию! Остальные со мной за броней. Начнут стрелять, патронов и гранат не жалеть!

БТР задом двинулся к вагонам, в которых обосновались «транспортники». Пригнувшись, Лукин с омовцами пошли рядом.

– Карпович здесь?

– Он в прикрытии остался, – ответил кто-то.

Чертыхнувшись, Лукин бегом вернулся к залегшим бойцам.

– Женя, Карпович!

– Я! – отозвался лейтенант.

– Повоевать захотел? Твое дело людей лечить! За мной!

Поздоровавшись за руку с командиром транспортников, Лукин спросил:

– «Духи» давно отстали?

– Минут пятнадцать постреляли и замолчали.

– Ладно, не расслабляйтесь, может, не ушли еще!

– Расслабишься тут! – сказал майор и выругался.

Когда носилки с ранеными поставили в БТР и подъехали к группе прикрытия, Ураков спросил:

– Федорыч, какой дорогой обратно поедem?

– А давай, которой приехали! – сказал Лукин неожиданно для самого себя: только что собирался дать команду, чтоб возвращаться короткой дорогой, где ездили обычно днем.

В полдень в комендатуру пришел старейшина Ахмед, один из тех, кто договаривался, чтоб не стреляли по жилым частным домам. Он спросил Лукина, не стреляют ли из домов.

– Из домов пока не стреляют... Зато у вокзала стреляли...

– Знаю, знаю... Это не наши. Они нарочно стреляли, чтоб вы помогать ехали... У старой комендатуры ждали. Правильно делал, что другой дорогой поехал!..

«На этот раз, похоже, фортуна улыбнулась нам, – подумал Лукин. – А Рому надо будет за ужином наградить банкой сгущенки!»

Эхо терроризма

Ночью выпал снег, прикрыл зимнюю грязь, и земля вокруг от этой белизны и сияния стала казаться менее враждебной и опасной. Срок

командировки отряда перевалил далеко за вторую половину, и Лукин осторожно радовался в душе, боясь взглянуть, что командировка проходит без особых осложнений. Привычными стали каждодневные зачистки и разминирования, и хотя по ночам постреливали, но пока никого не зацепили. И гордо развевается российский флаг над их ПВД – над крышей трехэтажного «Автосервиса».

Но чтоб спокойно спать, пришлось изрядно и поработать! Ведь на всех трех этажах окна были выбиты, а на втором прямо по центру огромный пролом в стене от снаряда. Теперь же все окна заложены мешками с землей, в том числе и пролом на втором этаже, почти в каждом – амбразуры. По углам на крыше тоже огневые точки из мешков выложены. В общем, не дом, а Брестская крепость...

Но чем ближе было окончание срока командировки, тем больше вместе с радостью росло чувство озабоченности: главное, не позволить расслабиться ни себе, ни людям.

Сейчас, возвращаясь с прочесывания дач, откуда ночью опять стреляли, Лукин еще раз с удовлетворением оглядел детище своих рук – укрепленный «Автосервис». На одной из дач обнаружили оборудованную позицию и установили пару растяжек...

У КПП стояли «Жигули», которые тщательно осматривали его бойцы. Рядом два парня славянской наружности.

– Федорыч, – подошел к Лукину Ураков, – вот задержали. Журналисты из «Комсомольской правды». Нет бумаги на право передвижения по Чечне.

– Ну и почему без разрешения?

– Да мы в Кизляр торопимся, не успели оформить, – протягивая Лукину удостоверение, сказал журналист с бородкой. – Вы же знаете, Салман Радиев в роддоме заложников захватил. Нам надо срочно там быть...

– У меня приказ – без документов не пропускать.

– А вы позвоните в главный штаб, они разрешат.

– У меня телефон не работает, – сухо ответил Лукин, чувствуя, как поднимается раздражение против этих писак, привыкших, что перед ними с почтением открываются все двери.

– У нас спутниковая связь. Можно в любую точку земли позвонить.

– Что, и в Омск можно? Ну-ка, проверим!

Бородатый журналист достал из машины белый чемоданчик, открыл крышку, подсоединил антенну и спросил:

– В Омске какой номер?

Лукин назвал.

– Так, подождать придется немного. Сначала выйдем на Лондон, оттуда в Москву, а потом в Омск.

Через несколько минут, слегка волнуясь, он разговаривал с дочерью.

– Ира, это папа! Да, да, из Чечни. Не торопись, говори по очереди, слушай меня, а потом отвечай!..

Дочь поздравила с прошедшим сорокапятилетием и сказала, что внук Дениска начинает шустро говорить, что все они ждут его приезда.... Услышав такую новость о двухлетнем внуке, Лукин невольно заулыбался. На душе потеплело. Перекинувшись еще парой фраз с дочерью, он закончил разговор.

– Ну что, командир, пропускаешь нас?

– А черт с вами, езжайте! Только врете меньше!

– Постараемся! – обрадовались журналисты, быстро свернули станцию, сели в машину и укатили на восток.

– Вот щелкоперы, – с завистью сказал Ураков, – тут батарейки сядут, хрен до ГУОШа доберешься, а у них космическая связь, да еще через Лондон. Нет, не зря их заграница так любит! Правильно сделал, что отпустил, а то бы в «Комсомолке» на первой полосе появилось: «Омский ОМОН издевался над нашими журналистами!». Пойдем, посмотрим новости, как этот террорист долбаный торгуется.

Слушая новости о Радуеве, Лукин невольно вспомнил того своего омского террориста, что три года назад захватил в детском саду заложниками детей, и остро почувствовал, как трудно будет при штурме тем, кому выпадет освобождать заложников, если до этого дойдет дело.

...Омский террорист был лишь с обрезом. Его он держал в правой руке, а в левой зажата кнопка, от которой тянутся провода к рюкзаку за спиной, в котором бидон с аммоналом... Шел уже восьмой час переговоров с ним. По его требованию ему принесли деньги и автомат, но с вареными патронами. Лукин проверил, как стреляют вареные патроны. Сделал три выстрела, и все три пули застряли в стволе. Рассмотрев, что ствол забит, террорист занервничал и велел принести немедленно исправный автомат. А когда нянечка попыталась увести детей в соседнюю комнату, выстрелил из обреза в косяк двери.

Он с группой захвата стоял в это время за лестничным маршем. Услышав выстрел, сержант Виктор Плешков, стоявший по другую сторону лестничного марша, посчитал его сигналом к штурму и кинулся к двери, за которой сидел террорист, но, увидев, что в коридорчике перед дверью никого нет, и услышав разговор террориста с заведующей, развернулся и прибежал к ним. Лукин всыпал тогда ему по первое число за то, что чуть не сорвал операцию

«Ну все, мужики, – сказал он тогда, – надо идти. Если он получит автомат, то покосит всех нас!» И тут ему пришла мысль: ведь восемь часов сидит, поди, жрать захотел. И когда заведующая вышла в очередной раз, он сказал ей, чтоб она предложила террористу поесть. Когда террорист стал есть, сунув палку с кнопкой под мышку, они пошли...

Плешков сбил террориста со стула на пол и прижал его щитом так, что тот не смог пошевелить рукой, под которой была кнопка. Тут же Саша Семькин сразу стреляет: сначала в правый бок два раза, а потом в голову. Лукин добавляет несколько выстрелов. А Мартышев, Колмагоров, Хильченко, Эннс и Дмитриев схватили детей и, закрывая их собой, кинулись подальше от террориста. Взрыва, слава Богу, не последовало. Перед тем как начать есть, террорист отключил взрывное устройство...

Странно было слышать, как толпа у детсада, до этого проклиная террориста и желавшая ему смерти, узнав, что он убит, стала жалеть парня. Раздавались голоса, что можно было как-то по-другому. Но он уверен, по-другому уже никак нельзя было...

Придет время, и этот сучонок Радуев добегается!

Ночью из ГУОШа пришла шифрограмма с приказом арестовать отца Радуева, который жил в Гудермесе. Рано утром на «Урале» и бэтээре они приехали с двумя местными милиционерами на улицу, где жил отец террориста, оцепили ее и затем ворвались в дом Радуева. Но там никого не было. Зайдя на кухню, Лукин положил ладонь на чайник и тут же отдернул ее – кипятик!

Хозяин только что был дома. Предупредили! Обыскали дом, сарай – нету. И только в саду нашли свежие следы, терявшиеся на соседней улице. Ушел черт!